

К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ РОМАНА «ЕВРЕЙСКИЙ АВТОМОБИЛЬ» ФРАНЦА ФЮМАНА

Перу Ф. Фюмана принадлежат стихи и рассказы, очерки и репортажи, переводы зарубежной лирики, интерпретации творчества древних авторов, путевые заметки. Но при обращении писателя к временам гитлеровского мракобесия предпочтение он отдает жанру новеллы. Свой тематический и жанровый выбор Ф. Фюман аргументировал следующим образом: «Я полагаю, каждый писатель должен снова и снова размышлять над тем, какие темы, материал и жанры наиболее соответствуют его способностям, его таланту, его происхождению и жизненному пути и где он с помощью только ему присущих изобразительных средств сможет принести наибольшую пользу и достичь художественного мастерства»¹ (перевод наш — Е. Л.).

Жанр произведения Ф. Фюмана «Еврейский автомобиль» (1962) многие литературоведы определяют как «роман в 14 новеллах». На наш взгляд, это наиболее правильное определение.

Относительную самостоятельность главам романа придает тот факт, что каждая из них охватывает довольно большой временной отрезок, характеризующийся важными событиями, как историческими, так и событиями повседневной жизни героя. При этом события предыдущей главы отстоят от времени действия очередной не только на несколько месяцев, но иногда и на несколько лет, что объясняется самим подходом писателя к материалу — из 27 лет жизни героя показаны лишь 14 дней.

Самостоятельность, законченность глав «Еврейского автомобиля» подтверждается и их внутренней художественной организацией. Каждая глава располагается собственным сюжетом, включающим все его организующие моменты.

Действие у Ф. Фюмана концентрируется вокруг одного-единственного персонажа, а внутри главы — и вокруг одного определенного события. Но события эти развиваются как бы в двух сферах: одна из них — широкая, историческая — обуславливает события сферы более узкой, которая включает в себя повседневную жизнь героя. Обе сферы представлены в каждой главе своими событиями. В этом отношении весьма значительную роль играют заглавия и подзаголовки отдельных частей книги: первые содержат в себе указания на те или иные события в жизни героя, вторыми обозначены события исторические. Например, глава «Сражение за спортзал в Рейхенберге» снабжена подзаголовком «Сентябрь 1938 года. Канун конференции в Мюнхене», глава «В зарослях ежевики» имеет подзаголовок «8 мая 1945 года. Капитуляция гитлеровского вермахта» и т. д. Такой способ повествования избран писателем совершенно сознательно и рассчитан на то, чтобы побудить нашу мысль к активной работе, заставить читателя сопоставить повседневную жизнь героя с важнейшими историческими событиями, обнаружить тесную связь между ними.

Если в начале произведения исторические события остаются где-то за пределами представлений героя о мире, хотя и начинают просачиваться в его детское сознание, то с течением времени герой все больше втягивается в их сферу. Обе событийные сферы как бы сближаются, что нередко получает отражение и в сближении содержания заглавия и подзаголовка: «Мировая война начинается» — «1 сентября 1939 года. Начало второй мировой войны»; «Каждому свой Сталинград» — «Февраль 1943 года. Битва под Сталинградом» и т. п. Изображение двух сфер — исторической и повседневной — создает впечатление насыщенности каждой главы событиями, а это, в свою очередь, является одним из признаков новеллистического жанра.

Художественную достоверность образу героя придает использование

автором психологического метода изображения, диалектики внутренней жизни. Мастерство Фюмана-психолога проявилось прежде всего в раскрытии антагонистических по своей природе противоречий в характере героя. Собственно говоря, в одном человеке сосуществуют две противоположные натуры. Такое изображение героя исторически правдиво.

Герой — мечтательный, тонко чувствующий природу, наделенный живым воображением юноша. Ему претит спартанская дисциплина монастыря с ее рабским послушанием, подчинением «одинаковому ритму серых дней»². Но, с другой стороны, он ненавидит евреев, которых даже не видел никогда в жизни, и «красных», которых, по его мнению, «давно следовало бы повесить вниз головой» (135). Он не способен разобратся в происходящем, доверчив до слепой наивности. Нацисты направляют и используют даже его сентиментальность так хитро, что герой глубоко убежден в своей «освободительной миссии».

Ф. Фюман фиксирует малейшие движения чувств героя, подчеркивает его горячий, порывистый характер, достигая этого тщательным отбором наиболее выразительных лексических средств (существительных, глаголов и прилагательных): «Ein Schauer übergrän mich; ich stand gelähmt» («Ужас смял меня; я стоял, как парализованный»); «Es war Todesangst; das Herz schlug nicht mehr...» («Это был смертельный ужас; сердце перестало биться...»); «...plötzlich rauschte eine wilde rote Welle durch mein Blut» («...вдруг кровь во мне зашумела дикой красной волной»); «...Rebellion und Ratlosigkeit, Gärund und Aufschei und quälende Fragen...» («...мятежность и беспомощность, смятение и вопли сердца и мучительные размышления...»)³.

Применительно к «Еврейскому автомобилю» есть смысл говорить также о таком качестве новеллистического жанра, как его близость к драматическому искусству. Уже первые главы произведения Ф. Фюмана захватывают читателя напряженным внутренним драматизмом и побуждают его с неослабевающим вниманием следить за развитием героя, постоянно задумываться над вопросом, что же ждет юношу — окончательное падение или «прозрение»? Близость к драме кроется, на наш взгляд, и в повествовании от первого лица, когда герой характеризуется «самосильно» (М. Горький), обнаруживает свое истинное «я» путем «саморазоблачения».

Во многих главах «Еврейского автомобиля» возникают неожиданные повороты действия, происходят резкие (однако вполне объяснимые) изменения в поступках и настроении героя. Подобные переходы мы наблюдаем, например, в главе «Молитва Михаилу-архангелу»: беспрекословное подчинение неумолимой дисциплине монастыря — «бунт» мальчика — мгновенно вслед за этим последовавшее покаяние — опять безропотная покорность на целых два года — неожиданный побег из монастыря — вступление в юношескую фашистскую организацию.

Таким образом, концентрация действия вокруг одного персонажа, насыщенность событиями, глубокий психологизм в изображении героя, близость к драме, наличие неожиданных поворотов действия позволяют говорить о новеллистическом жанре каждой главы «Еврейского автомобиля». Тщетно было бы искать «Еврейский автомобиль» в «Указателе романов писателей ГДР», да и сам Ф. Фюман заявлял, что относит себя к писателям «малых жанров». И все же, создав «Еврейский автомобиль», автор вышел далеко за рамки традиционного цикла новелл.

Все новеллы произведения объединяются одной общей темой — воспитание человека историей. Исчерпывающему раскрытию этого процесса соответствует изображение всей человеческой жизни или наиболее значительной, решающей ее части, в течение которой происходит формирование характера и мировоззрения человека. Именно такой период жизни отражен в «Еврейском автомобиле». Таким образом, уже общность темы и героя превращает новеллы, несмотря на композиционную законченность каждой, в единое художественное произведение. На это указывает и общий для всех новелл подзаголовок «Четырнадцать дней

одного двадцатилетия», выполняющий роль своего рода «связки» между главами, напоминая, что эти 14 дней — звенья одной цепи.

Основной конфликт «Еврейского автомобиля», как и других произведений о фашизме и войне, — это борьба двух полярных сил — разрушающей и созидающей, зла и добра. Корни этой борьбы Ф. Фюман усматривает в историческом столкновении фашизма и гуманизма, отразившем противоположность двух систем — империализма и социализма. В «Еврейском автомобиле» конфликт между добром и злом движет не столько сюжетом произведения, не столько внешней, видимой глазу стороной событий, сколько внутренним, нравственным развитием героя.

Логике внутреннего движения подчинена и композиция «Еврейского автомобиля» в целом. Как события повседневной жизни героя, так и исторические события излагаются хронологически последовательно, что подтверждается и подзаголовками новелл, в которых в большинстве случаев указаны не только год, но даже месяц и день события: «12 февраля 1934 года. Восстание рабочих в Вене»; «1 сентября 1939 года. Начало второй мировой войны»; «22 июня 1941 года. Нападение на Советский Союз». Логической последовательности повествования не противоречит используемый автором прием ретроспекции, позволяющий в определенных целях сместить временные пласты. Впечатление логической последовательности, полноты и глубины изображения несколько не нарушается и тем, что в произведении из двадцати семи лет жизни героя повествуется о событиях лишь четырнадцати дней. Дело в том, что эти дни — решающие, а ситуации, описанные автором, исторически и социальными типичны. Да и пробелов в изображении жизни героя, в сущности, нет, настолько обстоятельно повествует Ф. Фюман обо всем — или, по крайней мере, о самом главном, — что происходило в «промежутках» между четырнадцатью днями.

Новеллы расположены в строгом хронологическом порядке, их нельзя менять местами. Каждая новелла — это, в сущности, очередной этап «тяжкого пути познания», все значение которого может быть понято только в контексте целого произведения, в причинно-следственной связи с другими вехами жизни героя. Достаточно веским аргументом для отнесения «Еврейского автомобиля» к жанру романа можно считать и прием кольцевого обрамления, использованный Ф. Фюманом в несколько измененном виде.

Итак, каждая из 14 частей книги является главой цельного художественного произведения — романа, хотя не теряет при этом своего новеллистического характера. Такая сложная жанровая структура произведения лишний раз свидетельствует о неисчерпаемых возможностях литературы социалистического реализма и, в частности, жанра романа.

В одном из своих интервью Ф. Фюман рассказывал о том, как трудны для него поиски героев и ситуаций, как долго и настойчиво работает он над сюжетами своих произведений⁴. Тем более трудны были эти поиски, когда писатель стремился показать, как его поколение и он сам высвобождались из тисков фашистской гарроты. В «Еврейском автомобиле» Ф. Фюман избирает путь подчеркнуто автобиографического повествования. Биография писателя и героя совпадают не только в своих главных коллизиях, но и в деталях, вплоть до даты рождения — 15 января 1922 года. Однажды даже называется фамилия героя — «военнопленный Фюман» (236). Не будь этих деталей, роман все равно остался бы автобиографическим. Однако они придают рассказу героя исключительную достоверность, усиливают впечатление бескомпромиссного суда автора над собственным прошлым. Биографические подробности, включенные в ткань повествования, — отнюдь не зыбкие мостки, переброшенные от одной судьбы к судьбе целого поколения. Это прежде всего доказательство прочной связи человека со своей страной, с историей. Изображая собственный жизненный путь, автор — через частное, конкретное — идет к изображению типичного, общего, еще раз подтверждая слова Л. Толсто-

го о том, что «искусство есть микроскоп, который наводит художник на тайны своей души и показывает эти общие всем тайны людям»⁵.

В советском и немецком литературоведении насчитывается довольно много определений разновидности романов, посвященных описанию жизненного пути героя, процесса формирования его сознания. Сам Ф. Фюман, обращаясь к советским читателям, писал: «Отнеситесь... к моей книге как к исповеди немца, который принадлежит к поколению родившихся в 1922 году, как к исповеди немца, который некогда, исполненный ложных представлений и обманутый, вторгся как враг в страну и родину социализма, чтобы впоследствии, пройдя через годы размышлений, возмужания, внутренней перестройки в лагере для военнопленных, покинуть ее пределы, став ее искренним другом»⁶. Очевидно, Ф. Фюман не вкладывал в свое высказывание литературоведческий смысл, однако слово «исповедь» действительно как нельзя более подходит к роману «Еврейский автомобиль». Можно было бы, используя терминологию известного советского литературоведа Т. Л. Мотылевой, назвать его и «романом о «муках» истории», и «романом нравственной самопроверки»⁷.

Здесь необходимо заметить, что если большинство произведений советских авторов о Великой Отечественной войне повествует о военной «судьбе человека», то для большинства писателей ГДР, в том числе и Ф. Фюмана, война — лишь отправная точка, исходный пункт формирования характера и пробуждения сознания человека. Изображение героя на войне у них, как правило, заканчивается крахом его прежних убеждений и зачастую переходит в изображение героя в условиях послевоенной мирной жизни. Поэтому «Еврейский автомобиль», как и многие другие произведения писателей ГДР о второй мировой войне, правильнее назвать романом изменения, преобразования человека, «романом воспитания» («Erziehungsroman»), или еще точнее — «романом перевоспитания». Т. Л. Мотылева писала об этом: «...В ГДР роман о второй мировой войне нередко становится новым типом «романа воспитания», или даже, если можно так выразиться, «романом перевоспитания» — и не только в силу немецких литературных традиций, но и в силу причин более серьезного, исторического порядка»⁸.

Определение «Еврейского автомобиля» как «романа воспитания» соответствует и его цели, которую писатель видит в воспитании современной молодежи, от которой в большой степени зависит будущее мира, с помощью поучительных уроков истории.

¹ Fühmann Franz. Vielfalt, Weite, Weltniveau.—Neues Deutschland, 1964, 24 März, S. 4.

² Фюман Ф. Еврейский автомобиль.— В кн.: Франц Фюман. Избранное.— М., 1973, с. 135. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

³ Fühmann F. Das Judenauto. Vierzehn Tage aus zwei Jahrzehnten.— Berlin, 1962, S. 11, 26, 76. (Перевод наш — Е. Л.)

⁴ См.: Sauter J.-H. Interview mit Franz Fühmann.— Weimarer Beiträge, 1971, № 1, S. 46.

⁵ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., юбилейное издание.— М., 1953, т. 53, с. 94.

⁶ Фюман Ф. Суд божий.— М., 1966, с. 2.

⁷ Мотылева Т. Л. Всматриваясь в новое.— В кн.: Мотылева Т. Л. Достояние современного реализма.— М., 1973, с. 410, 419.

⁸ Там же, с. 402.